

УДК 902

А.П. Бородовский¹, А.В. Табарев²*Институт археологии и этнографии СО РАН**пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail¹: bronza@dus.nsc.ru**E-mail²: tabarev@archaeology.nsc.ru*

СКАЛЬПИРОВАНИЕ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Введение

Скальпирование – снятие части кожи вместе с волосами с головы поверженного или плененного противника – одна из наиболее ярких и загадочных составляющих комплекса боевых традиций в древних и традиционных культурах Старого и Нового Света. Обряд скальпирования у аборигенов Америки детально описан очевидцами; его проявления на территории Евразии известны в основном по ранним историческим источникам и антропологическим материалам из погребений. Наиболее часто в этом контексте упоминаются данные Геродота о скифах (V в. до н.э.), Ксенофonta о возвращении знаменитых “Десяти Тысяч” из Месопотамии в Грецию, описания пыток, применявшимися сирийским царем Антиохом Епифаном (II в. до н.э.), наблюдения византийского полководца Велисария во время североафриканского похода против вандалов и остготов (V в. н.э.), а также отрывки из архивных подборок Флодарда Реймского (816–866 г. н.э.) о боевых обычаях англосаксов и франков [Геродот, 1972; Руденко, 1948, 1953; Axtell, Sturtevant, 1980, р. 451–452; Murray, 1964, р. 30–31; Owsley, 1994, р. 333–335; Owsley, Berryman, 1975, р. 41–43; Reese, 1940, р. 3–5]. Следует отметить, что достоверные свидетельства о скальпировании в Европе после IX в. н.э. не обнаружены.

В последние 10–15 лет заметно повысился интерес как к обряду скальпирования, так и к проблеме ритуализации частей человеческого тела у различных народов в целом (см., напр.: [Бородовский,

1997а; Бородовский, Табарев, 2001; Медникова 2001, с. 117–118; 2003, с. 147–156; Бородовский, 2002, с. 107–111; Табарев, 2002, 2003; и др.]). Для новых исследований и интерпретаций характерно привлечение все более широкого круга источников и материалов, в первую очередь археологических.

Северная Америка. Историко-этнографическая характеристика скальпирования и данные археологии

В англоязычной литературе, особенно в североамериканской, феномену скальпирования посвящено немало публикаций. В центре обсуждения – три проблемы:

существовал ли данный ритуал в доколумбовой Америке или он был привнесен первыми переселенцами из Европы и быстро адаптирован индейцами;

насколько глубоко в древность уходят корни этого ритуала;

был ли ритуал распространен на всем Американском континенте или же только у определенных групп и племен.

В языке первых колонистов из Англии, Франции и Испании даже не было точных слов для описания ритуала, увиденного в Америке. Словосочетание “the hair-scalp” (“скальп” – англ. “scalp”, возможно, родственно “scallop” – “створка раковины”) появилось лишь в 1667 г. До этого для обозначения обряда использовались словосочетания типа “skin of head” (“кожа с головы”), “cut off hair round about” (“срезанная вкруговую

кожа с волосами") и др. Самостоятельно термин "scalp" вошел в употребление не ранее начала XVIII в. Одновременно он закрепился во французском, немецком и датском языках [Frederici, 1906].

В Северной Америке со времени первых контактов с европейцами скальпирование практиковали различные племена, группы племен и племенные союзы от Карибских островов до Мексики и Гватемалы и от Флориды до Канады [Sutton, 2000]. Это подтверждается не только свидетельствами очевидцев, но и археологическими материалами, выявленными на многочисленных индейских кладбищах XVI–XIX вв. [Neiburger, 1989; Newman, 1940; Snow, 1942; и др.]. Согласно антропологическим данным, и в случае смерти оскальпированного, и в случае его выживания на черепной коробке остаются хорошо читаемые следы от надрезов, предшествующих снятию скальпа, или характерные следы заживления [Humperl, Laughlin, 1959].

Детальное исследование 751 захоронения в 15 памятниках, относящихся к 1600–1832 гг., на территории Северной и Южной Дакоты провел Д. Оусли [Owsley, 1994]. Он разделил черепа со следами скальпирования (всего 41) на три категории: черепа скальпированных и умерших во время обряда, до или сразу после него; скальпированных и умерших через некоторое время после процедуры (характерные следы остаются от инфекции, прогрессирующей в течение недели); скальпированных и вы-

живших. Риску быть скальпированными примерно в равной степени подвергались и мужчины (23), и женщины (18).

В письменных источниках описано несколько видов скальпирования:

полное, являвшееся частью ритуального расчленения противника (отрезание рук и ног в качестве трофеев) (рис. 1);

простое – снятие части кожи с головы вместе с волосами, напр., у ирокезов (рис. 2);

сложное – снятие скальпа вместе с ушами, частью лица и шеи, напр., у индейцев чинук, дакота;

частичное – снятие лишь небольшого лоскутка кожи размером с ладонь с макушкой, напр., у шошонов, шайенов (см. рис. 2);

групповое – снятие фрагментов скальпа несколькими победителями, когда не было возможности определить, чья именно пуля сразила противника;

снятие скальпа серией быстрых ударов во время боя, в спешке;

снятие скальпа с лысых (обычай появился лишь после контакта с европейцами);

неполное – нанесение надреза и лишь частичное отделение кожи с волосами от головы как часть процедуры пыток [Grinnell, 1910; Knowles, 1940].

Отмечены также редкие случаи снятия скальпа с погибшего в бою соплеменника (когда не было реальной возможности унести с собой тело для погребения и требовалось предотвратить снятие скальпа



Рис. 1. Гравюра конца XVI в., изображающая полный обряд скальпирования и расчленения поверженного противника у индейцев Флориды (по: [Nadeau, 1941]).

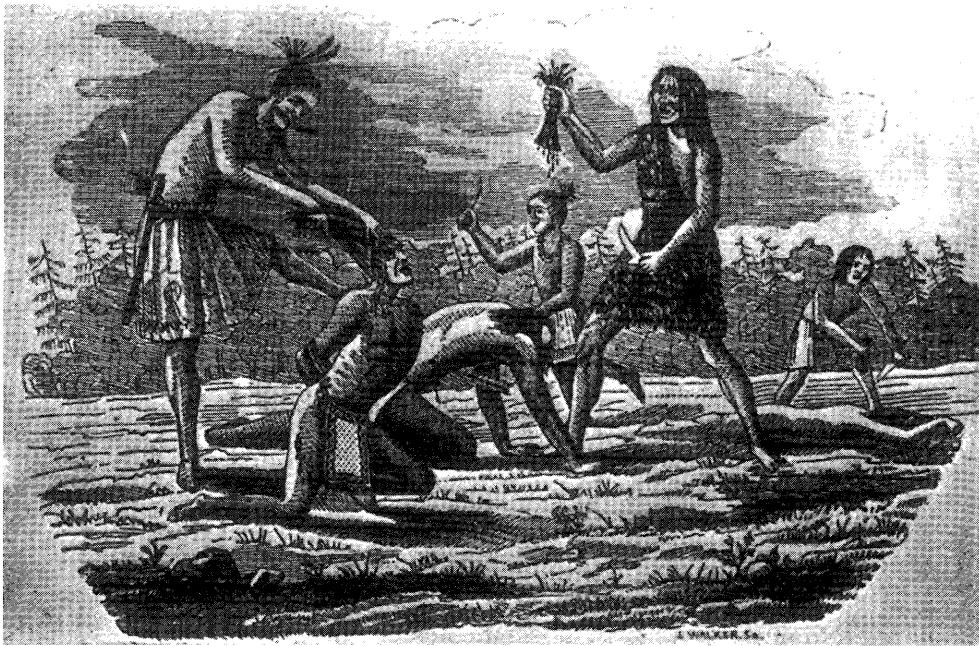


Рис. 2. Рисунок, демонстрирующий полное и частичное скальпирование (по: [Nadeau, 1941]).



Рис. 3. Танец скальпов (по: [Catlin, 1857]).

противником) и даже самоскальпирования [Nadeau, 1941]. Жертвами процедуры скальпирования становились в равной степени мужчины и женщины, дети, подростки и старики. Отмечены традиции ритуально-декоративного использования скальпов животных и птиц, например, скальпов дятлов в ежегодной церемонии “танец шкуры белого оленя” у индейцев Северной Калифорнии [Табарев, 2002].

В качестве инструментов для снятия скальпа обычно служили острые ножи с лезвиями из камня, вулканического стекла (обсидиан), раковин, а позже – металла.

Снятие скальпа с поверженного в схватке или плененного противника рассматривалось как обретение одного из наиболее ценных трофеев, показатель боевой отваги и военного мастерства [Там же; Таба-

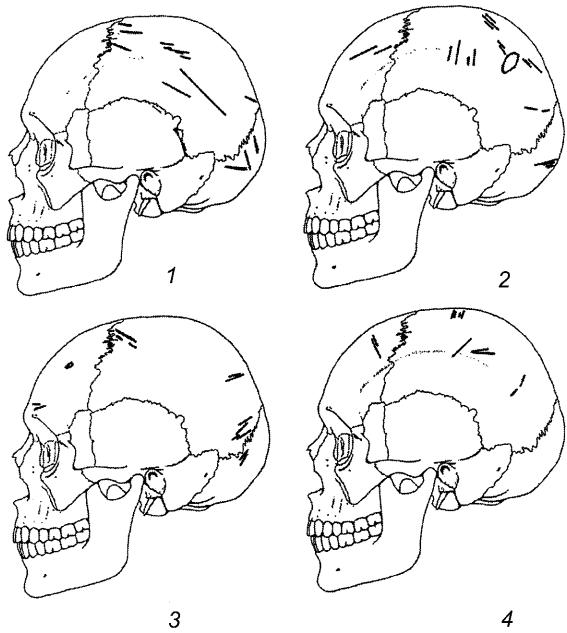


Рис. 4. Черепа со следами скальпирования из районов Великих Равнин (Южная Дакота), датируемые 1600–1800 гг. (по: [Owsley, 1994]).

1 – взрослого мужчины, 21 след от нарезов (Левенворт); 2 – молодой женщины 14–17 лет, 36 следов (Энтон Рай); 3 – молодого мужчины 17–19 лет, 26 следов и обломок кончика каменного ножа в лобной части (Ларсон); 4 – молодой женщины, 18 следов (Морбридж).

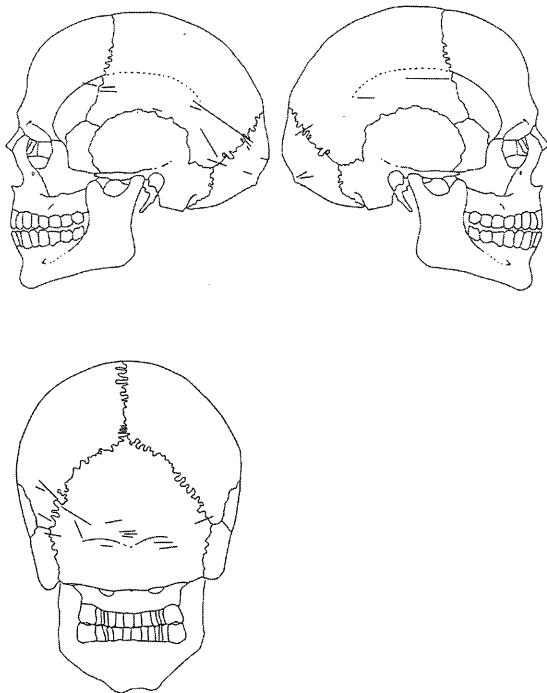


Рис. 5. Характерное расположение следов “быстрого” способа снятия скальпа на черепах европейцев, погибших в столкновении в 1778–1779 гг. у форта Лоренс (штат Огайо) (по: [Williams et al., 2003]).

рев, 2003]. Вместе с тем значение и символизм самого скальпа несравненно шире и сложнее. Во многих племенах скальп использовался не только в различных календарных и публичных церемониях (рис. 3), но и в медицинской практике. Например, индейцы наахо верили, что, пожевав кусочек скальпа, можно избавиться от зубной боли, завернутый в кукурузные листья скальп помогает при излишней агрессивности или чрезмерной тоске по умершему родственнику. По их представлениям, скальпирование также было хирургическим методом лечения головных болей или травм головы [Owsley, 1994].

Не только скальп, но и сам человек, переживший скальпирование, был объектом различных магических представлений. Так, индейцы арикара считали скальпирование актом разрушения, а человека, его пережившего, – нелюдью, изгоем, который должен жить отдельно от племени, скрывая место своего обитания. Как правило, таким пристанищем был грот или пещера. По традиции, принятой у разных племен, свое тело изгой должен был прикрывать шкурой животного, а изуродованную голову – куском кожи (напр., койота у арикара). Вместе с тем в изгое видели человека, наделенного сверхъестественными качествами, способного бесшумно перемещаться ночью, легко ловить лошадей и орлов, приносить удачу в сражениях и исцелять безнадежно больных [Gilmore, 1933]. В индейских мифах прослеживается причастность потерявшего скальп к сотворению мира и времен года. В фольклорных сюжетах изгой выступает в роли трикстера и персонажа (мужского или женского пола) забавных анекдотов и шуток [Owsley, 1994].

Материалы по скальпированию стали предметом специального археологического анализа в начале 1940-х гг. [Newman, 1940; Snow, 1942]. На сегодняшний день более подробно изучены свидетельства, относящиеся к северным и центральным районам Великих Равнин (территории современных штатов Небраска, Северная и Южная Дакота) [Brooks, 1994; Miller, 1994; Williams, 1991]. Имеются также хорошо процитированные остеологические материалы из Алабамы, Аризоны, Колорадо, Теннеси [Owsley, Bergman, 1975] (рис. 4, 5). Специалисты располагают более чем 1 тыс. черепов доколумбова периода.

Каков же возраст самых ранних свидетельств скальпирования? По предварительному сообщению д-ра М. Смит, его изучен череп мужчины 25–35 лет с явными следами нарезов в правой части, обнаруженный на памятнике Ив (штат Кентукки), для которого имеется серия радиоуглеродных дат в диапазоне от 4 500 до 2 500 л.н. (что соответствует позднему архаичному периоду). Эту находку следует считать пока самым ранним свидетельством обычая. Большинство специалистов ориентируется на даты для памятника Хэннинг Вэлли (штат Айова) – 190–310 гг. н.э. Зна-

чительно моложе памятник Спенсер Лейк Маунд (штат Висконсин), относящийся к 490–580 гг. н.э.; на нем был обнаружен череп с явными признаками насильственной смерти и скальпирования.

Несомненный интерес представляют материалы памятника Фэй Толтон (штат Южная Дакота), датируемые 950–1250 гг. Одним из четырех убитых был мальчик 5–7 лет. Его череп сохранил следы нападения, во время которого ребенок был скальпирован, но выжил. Во второй раз в качестве трофея нападавшие взяли части его рук. Вместе с мальчиком погибли и были скальпированы две девочки 10–14 лет и мужчина 25–29 лет.

Наибольшее количество черепов с признаками скальпирования было обнаружено на памятнике Кроу Крик Кэньон (штат Южная Дакота); на нем сохранились следы массового истребления нескольких сотен человек. Останки 486 мужчин, женщин и детей были свалены в яму глубиной ок. 1 м. Практически на всех скелетах прослежены следы скальпирования и других повреждений. Памятник датируется 1325–1390 гг.

Отдельные погребения скальпированных имеют особенности. На памятнике Восберг (штат Аризона), который относится к 1050–1250 гг., двое мужчин 35–45 лет и две женщины 25–35 лет были похоронены в отдалении от поселка с весьма скромным для местной традиции сопроводительным инвентарем и прикрыты лишь семью крупными камнями. Возможно, что это были члены одной семьи. Известны, однако, материалы, свидетельствующие о том, что выживших после скальпирования снова принимали в племя и после смерти хоронили по общему обряду. Они зафиксированы на памятниках Си Айленд Маунд (штат Джорджия, ок. 1000 г.), Маундвиль (штат Алабама, 1000–1500 гг.) и Уоллас Маунд (штат Небраска, 1050–1400 гг.). Это были останки исключительно женщин.

Западная Сибирь. Исторические, фольклорные и археологические данные о скальпировании

Об обычаях скальпирования у народов Западной Сибири в литературе имеются только отрывочные данные. К ним относятся противоречивые упоминания о скальпировании во время Казымского восстания 1933 г. [Головнев, 1995, с. 176], фольклорные мотивы манси [Гондатти, 1886, с. 64] и восточных хантов [Пелих, 1972, с. 372], сюжеты остыцкого героического эпоса [Патканов, 1891, с. 45, 54, 66–67], косвенные свидетельства францисканского монаха Иоганки, относящиеся к началу XIV в. [Аннинский, 1940, с. 93], а также информация о следах скальпирования, выявленных на материалах Сайгатинского VI могильника (X–XI вв.) в Среднем Приобье [Карачаров, 1999, с. 164].

При этом давно известные археологические данные по скальпированию, относящиеся к Западно-Сибирскому региону, никак не связывались с формированием этого обычая.

Античные описания обычая скальпирования у скифов середины I тыс. до н.э. иллюстрируются исключительно признаками скальпирования на мумиях из синхронных пазырыкских курганов с мерзлотой на Алтае [Стратановский, 1972, с. 520; Доватур, Калистов, Шишова, 1982, с. 302]. Для точности таких параллелей следует обратить внимание на целый ряд деталей этого обычая у скифов и пазырыкцев. Например, Геродот не случайно отмечал, что “головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю”. После чего “на голове делают надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи” [1972, кн. IV, 64, с. 202]. Таким образом, речь идет о скальпировании уже отсеченной от туловища головы при максимальном срезании всей поверхности кожного покрова с волосами. Голова же скальпированного мужчины из 2-го Пазырыкского кургана, судя по всему, была отрублена грабителями памятника [Руденко, 1948, с. 53; Баркова, Гохман, 2001, с. 78–90], а не теми, кто снимал скальп. Имеются также явные различия в техниках скальпирования, описанной у скифов и представленной в материалах пазырыкских курганов. По наблюдениям С.И. Руденко, “кожа спереди была надрезана надо лбом от одного уха до другого, через выступающий мысик волос, и содрана назад” [1948, с. 54]. Вероятно, такой способ был связан как с особенностями прически, так и с тем, что скальп снимался без отсечения головы от туловища. Не отсекая головы от туловища, скальпировали и североамериканские индейцы. Поэтому вряд ли описание этого обычая у скифов и проявления скальпирования у пазырыкцев могут претендовать на абсолютное соответствие. Более того, наверное, не следует рассматривать скальпирование, свидетельства которого обнаружены во 2-м Пазырыкском кургане, как обычай, характерный только для территорий, расположенных западнее Алтая [Марсадолов, 1996, с. 72]. Необходимо также отметить, что кожа с волосами на голове мужской мумии из 2-го Пазырыкского кургана, по мнению М.Б. Медниковой, возможно, была удалена при бальзамировании [2001, с. 186]. Безусловно, это интересная точка зрения, однако она касается только одного бальзамированного представителя пазырыкской культуры. Скальпирование мужчины, погребенного во 2-м Пазырыкском кургане, сделано вряд ли с целью бальзамирования, поскольку на голове вместе с кожей, снятой до погребения, был наложен фрагмент другой кожи с волосами и пришил спереди крученым конским волосом. Шов протянулся от правого до левого уха [Руденко, 1948, с. 54]. Различия в технике

исполнения швов, размерах снятых участков кожи и “заплаток” позволяют согласиться с мнением С.И. Руденко о том, что с убитого мужчины из 2-го Пазырыкского кургана был снят скальп.

Традиция скальпирования у населения Западной Сибири имеет достаточно глубокие исторические корни. Такой вывод позволяют сделать недавние археологические исследования погребальных комплексов эпохи раннего железного века в лесостепном Приобье. В курганной группе Быстровка-2 (Искитимский р-н Новосибирской обл.) были зафиксированы останки трех скальпированных погребенных [Бородовский, 1997а]. На черепах, обнаруженных в погр. 3 кург. 1 в парном захоронении взрослых мужчин в возрасте от 25–30 до 45–55 лет (по определению Е.Г. Шпаковой), прослежены отчетливые следы скальпирования (рис. 6, 2, 3). Умершие были погребены вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. В могиле находились ребра крупного копытного животного – остатки жертвенной пищи. Другой сопроводительный инвентарь

отсутствовал. Еще одно вторичное захоронение со следами скальпирования было обнаружено в кург. 2. Для этого многомогильного погребального комплекса, объединившего под одной курганной насыпью 19 захоронений, имеется серия радиоуглеродных дат: погр. 8 – от 780 до 400 гг. до н.э., погр. 11 – от 760 до 390 гг. до н.э., погр. 13 – от 810 до 540 гг. до н.э. [Бородовский и др., 2003, с. 84, табл. 2]. Все эти погребения расположены во внешнем кольце могил кургана. В погр. 2 находился скелет молодого человека со следами скальпирования (рис. 7, 1). Череп и длинные кости погребенного 18–20 лет были сложены в компактную кучу (рис. 7, 2). Погребенный, очевидно, был захоронен в мешке или каком-то вместилище, когда кости уже лишились мягких связующих тканей. Определенные аналоги этому имеются в некоторых раннеташтыкских захоронениях [Вадецкая, 1975, с. 178–180]. Жертвенную пищу в погр. 2 кург. 2 Быстровки-2 представлял только овечий череп; сопроводительный инвентарь отсутствовал. Любопытно, что

скелеты со следами скальпирования на Быстровском некрополе, в отличие от некоторых других мужских костяков с явными признаками военного травматизма, не имели особой темно-малиновой краски на костях [Бородовский, 1998]. Особенно показательны захоронения в кург. 2 Быстровки-2: в одном из них находился костяк пожилого мужчины (погр. 5б), а в другом – молодого человека (погр. 14), пораженного в правую лопатку трехперой железной стрелой сарматского типа [Бородовский, 2002, с. 116].

Особое внимание следует обратить на характер следов скальпирования в указанных погребальных комплексах. Это необходимо для выделения определенных признаков такого обычая, а также вариантов его осуществления. Например, на черепе из погр. 3 кург. 1, кроме нарезов, имелись признаки военного травматизма – следы двух рубящих ударов, нанесенных по правой стороне затылочного отдела головы. От удара по теменной части осталась зарубка размерами $3,5 \times 2,6$ см, глубиной проникновения лезвия в компактное вещество костей черепа по касательной на 3–4 мм (см. рис. 6, 3). Другой удар был нанесен по сосцевидному отростку

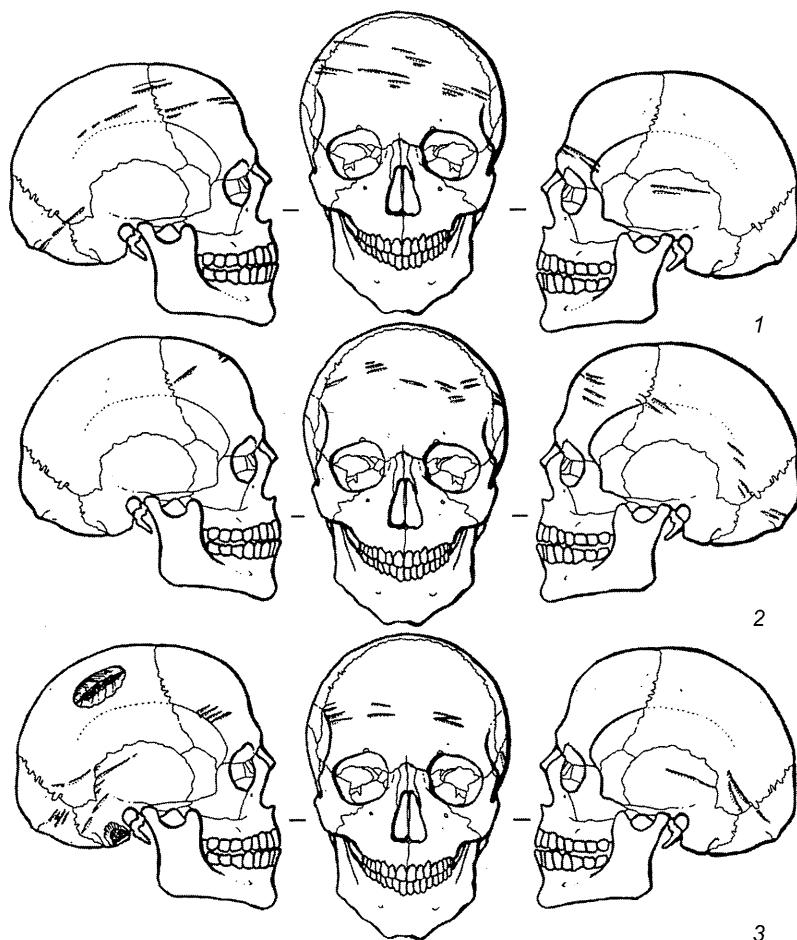


Рис. 6. Черепа со следами скальпирования из могильника Быстровка-2 в лесостепном Приобье (эпоха раннего железного века).
1 – кург. 2, погр. 2; 2 – кург. 1, погр. 3, костяк 1; 3 – кург. 1, погр. 3, костяк 2.

правой височной кости. Он пришелся прямо на выйную линию, на участке прикрепления шейных мышц и начала роста волос. Очевидно, удар нанесли сзади с целью отделения головы от тулowiща перед скальпированием. На двух других черепах следы удара не прослежены, но, учитывая вторичность погр. 2 кург. 2, возможность отсечения головы исключать не следует. Признаки скальпирования на черепах погребенных в Быстровке-2 представлены серией нарезов длиной 1,0–1,5 см, глубиной 1–3 мм. Они образуют ряд линий на лобных, височных и теменных костях черепа (см. рис. 6, 1–3). Причем чем моложе был погребенный, тем длиннее нарезы. Это прослеживается на черепах молодого человека (18–20 лет) из погр. 2 кург. 2 (см. рис. 6, 1; рис. 8), костяка 2 (25–30 лет) и костяка 1 (45–55 лет) из погр. 3 кург. 1. Такая особенность может быть связана с возрастной спецификой распространения и плотности волосяного покрова.

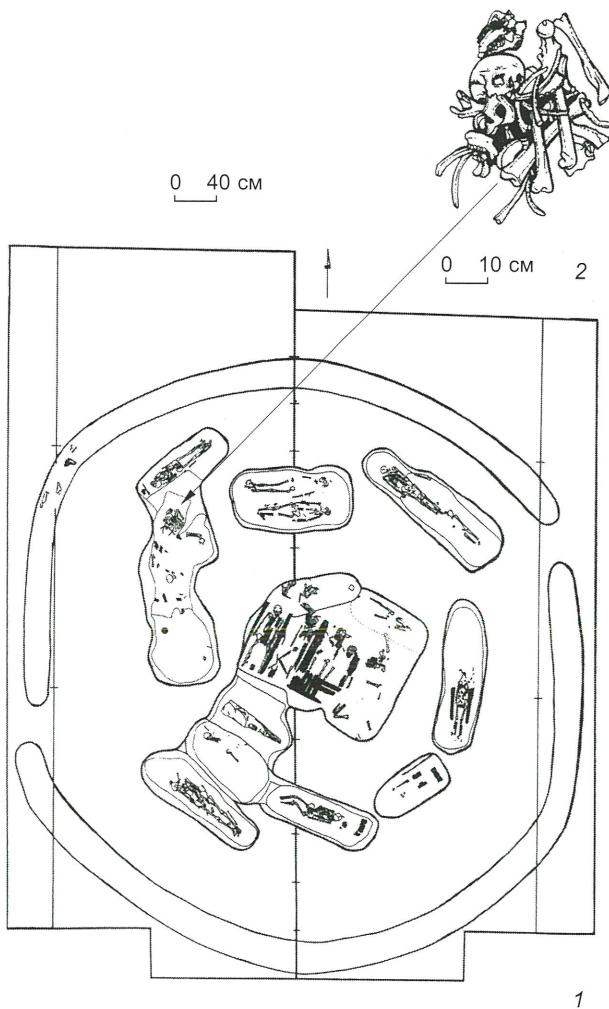


Рис. 7. Планы кург. 2 (1) и погр. 2, в котором обнаружен череп со следами скальпирования (2).
Могильник Быстровка-2.

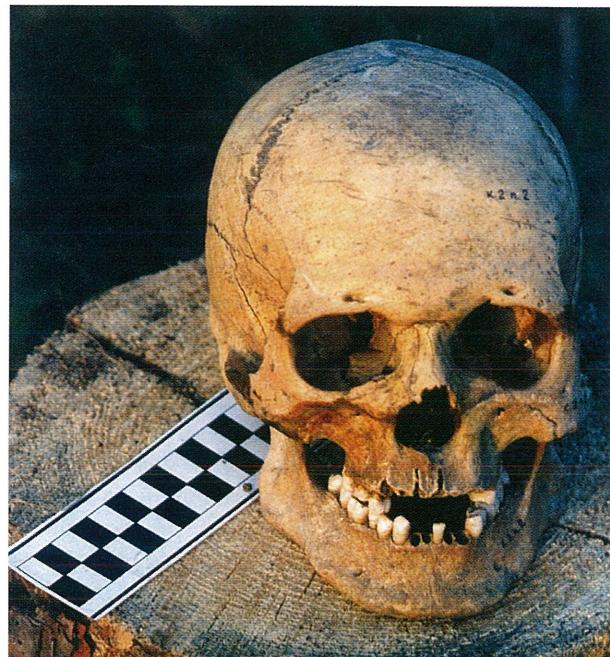


Рис. 8. Череп со следами скальпирования. Могильник Быстровка-2, кург. 2, погр. 2 (раскопки А.П. Бородовского 1995 г.).

ва. Возможно, поэтому у самого пожилого из скальпированных (костяк 1 из погр. 3 кург. 1) нарезы на черепе самые короткие и неглубокие (см. рис. 6, 2). Важно отметить и другие особенности самих нарезов на черепах. Учитывая их глубину (от 1 до 0,3 мм) и наличие заусениц в верхнем крае нарезов, можно составить представление о самой технике скальпирования, поскольку известно, что лезвие глубже проникает в костную ткань до ее затвердевания [Бородовский, 1997б, с. 26]. В ходе экспериментальных исследований, проводившихся на костях животных, по расположению зазубрин на верхнем крае нарезов было установлено, что во время скальпирования лезвие двигали снизу вверх или справа налево, оттягивая волосы на себя. Расположение заусениц на нарезах всегда с одной стороны (вверху) определялось еще и поворотом головы жертвы в ходе срезания скальпа. Этим же обусловливалось появление двойной линии полусpirали на всей поверхности черепов из Быстровки-2. Выявленные особенности свидетельствуют о том, что скальпировали отсеченную голову, которой было легко манипулировать. Сходный способ скальпирования, принятый у скифов, упоминается Геродотом. Он получил отражение в остицком героическом эпосе эпохи средневековья. В этих повествованиях о намерении победителей снять с врагов головную кожу *ух-кор* особенно следует выделить сюжет о голове самоедского князя Сось-Турума, отсеченной остицким богатырем, которая убегает от него, пытаясь сохранить свой скальп – “радужно-отливающую головную

кожу” [Патканов, 1891, с. 67]. Таким образом, позднейшие мифологические мотивы получают подтверждение в археологических материалах более ранних исторических периодов.

Признаки скальпирования на мужских черепах из памятника эпохи раннего железа Быстровки-2 (см. рис. 6) имеют сходство со следами аналогичных действий, описанными по североамериканским материалам (см. рис. 4, 5). Совпадают не только направление подрезов, последовательность и количество нарезов. На черепе из погр. 2 кург. 2 зафиксировано 22 нареза, скелета 1 из погр. 3 кург. 1 – 19, скелета 2 из погр. 3 кург. 1 – 25 нарезов. Такие особенности следов скальпирования соответствуют снятию скальпа серией быстрых ударов во время боя, в спешке. Подобное отмечено на серии черепов из района Великих Равнин в Южной Дакоте, датирующихся 1600–1800 гг.: на них выявлены 18 (см. рис. 4, 4), 21 (см. рис. 4, 1), 26 (см. рис. 4, 3), 36 (см. рис. 4, 2) нарезов. Наиболее характерное расположение следов “быстрого” способа снятия скальпа прослежено на черепах европейцев, погибших в столкновении 1778–1779 гг. у форта Лоренс в штате Огайо. На этих черепах было ок. 20 нарезов от скальпирования (см. рис. 5) [Williams et al., 2003, р. 113–122].

Для корректной интерпретации свидетельств скальпирования, найденных в Быстровке-2, следует учесть исторический фон, с которым можно соотнести известные по археологическим источникам проявления этого обычая. Следы скальпирования, выявленные в пазырыкских курганах, опосредованно связываются с последствиями греко-персидских войн или периодом нестабильности в Китае [Марсадолов, 1996, с. 72–73], а обнаруженные в Быстровке-2 – с преддверием событий эпохи Великого переселения народов и гуннской экспансии [Бородовский, 1997а, с. 169]. Эти исторические процессы, несомненно, имели глобальное значение для судьб населения Евразии в целом, в т.ч. юга Западной Сибири. Они резко обострили напряженность между многочисленными этнотERRиториальными группами. События позднескифской и гунно-сарматской эпох могли дать импульс широкому распространению многих специфических военных обычаяев, таких как изготовление чаш из черепов [Кондратенко, 1994, с. 31–32] и скальпирование. Эти обычай вошли в жизнь обитателей западносибирской лесостепи. Их отражение зафиксировано в палеоантропологических материалах Быстровского некрополя. По другим археологическим источникам известно, что головы некоторых таштыкских погребальных “кукол” начала I тыс. н.э. с расписанными лицами были прикрыты на затылке человеческим скальпом с волосами [Кызласов, 1971, с. 175]. По находкам с Быстровского некрополя установлена определенная связь обычаяев раскрашивания и скальпиро-

вания: как уже отмечалось, скелеты с признаками скальпирования, в отличие от костяков со следами военного травматизма, не подвергались раскраске.

Очевидно, что случаи скальпирования, прослеженные по материалам погребального обряда эпохи раннего железа и средневековья, составили историко-культурную основу, на которой в дальнейшем формировался более поздний героический эпос народов Западно-Сибирского региона. В средневековой мифологии населения Западной Сибири имеется упоминание о скальпированном богатыре, прикрывшем свою голову собачьей шкурой. Не обсуждая семантическую сторону этого поступка, отметим, что участок снятого скальпа с головы знатного мужчины из 2-го Пазырыкского кургана был прикрыт другим куском кожи с неопределыми волосами [Руденко, 1948, с. 54]. Детальное сравнение способов снятия скальпа, который реконструируется по следам травм на голове человека из 2-го Пазырыкского кургана, и у североамериканских индейцев конца XVIII в. (см. рис. 5) позволяет считать, что скальпирующий при выполнении процедуры располагался за спиной человека или над головой. Поэтому волосы были сорваны от лба к затылочной части. Судя по расположению следов скальпирования на черепах европейцев, погибших у форта Лоренс, скальпирующие находились напротив темени жертвы. Именно этим объясняется отсутствие следов нарезов от скальпирования на лобных костях (см. рис. 5). Следы скальпирования на черепах из могильника Быстровка-2 позволяют говорить о том, что манипуляции подверглась поверхность кожного и волосяного покрова всей головы, что соответствует снятию скальпа с отрубленной головы поверженного противника.

Представленный в настоящей публикации опыт использования археологических и антропологических материалов открывает дополнительные возможности для многоаспектного изучения обычая, его корреляции в Северной Америке и Западной Сибири.

Заключение

Обобщение любых данных о скальпировании достаточно актуально для целого ряда специалистов – историков, археологов, антропологов и этнологов. В настоящее время сводка различных свидетельств этого обычая, приведенная М.Б. Медниковой для Евразийского континента [2001, с. 179–187], может быть существенно расширена. Очевидно, что для объективного осмысления необходимо рассмотрение всех проявлений обычая. Поэтому обобщение и корреляция практики скальпирования в мировом масштабе важны не только для решения источниковедческих задач, но и для определения универсальных истори-

ческих и культурных закономерностей возникновения и существования этого обычая, а также выявления направлений его развития. Предварительно можно говорить о том, что в Западной Сибири и Северной Америке он имел достаточно древние корни, распространенность этого обычая связана с определенной исторической ситуацией, провоцирующей вооруженный конфликт, а также с миграционной активностью населения, уровнем социального развития.

Обычай скальпирования, появившийся в Европе и Азии еще в неолите [Медникова, 2001, с. 181], на Евразийском континенте наибольшее территориальное распространение получил в эпоху палеометаллов (бронзы и раннего железа)*. Именно в этот исторический период происходили наиболее динамичные миграционные процессы, формирование новых социальных и этнических структур, а также многочисленные вооруженные столкновения.

По археологическим данным, полученным на юге Западной Сибири, проявления обычая скальпирования прослежены с середины I тыс. до н.э. и до начала I тыс. н.э. В эпоху средневековья (конец I тыс. н.э.) границы распространения обычая на территории Западной Сибири существенно расширились за счет включения северной лесной зоны. Наиболее поздние свидетельства скальпирования в традиционной среде народов Западной Сибири, возможно, относятся к первой трети XX в. Таким образом, в Западно-Сибирском регионе этот обычай проявлялся с определенной периодичностью достаточно длительное время.

В Северной Америке скальпирование имеет древние корни (по крайней мере, с архаического периода) и подтверждается археологическими и историческими свидетельствами как элемент обряда полного расчленения тела для получения трофеев и как усеченный обряд, символически связанный с представлениями о волосах, голове и душе противника.

Эволюция этого обряда на территории Северной Америки происходила под влиянием мезоамериканских цивилизаций с развитой традицией человеческих жертвоприношений и в зависимости от внутрирегиональных миграций. До периода европейской колонизации обряд имел исключительно ритуальный характер. С приходом европейцев он быстро трансформировался в одну из наиболее эффективных форм насилия и жестокости, а также в способ наживы.

* Данные о скальпировании в эпоху неолита требуют специального рассмотрения. В значительной степени они представлены лишь предварительными или краткими сообщениями. Например, в Интернете появились сведения о пяти черепах (их возраст составляет ок. 4 тыс. л.н.), найденных в провинциях Хэбэй и Хэнань (Китай). По данным китайских археологов, по крайней мере на двух из них прослеживаются характерные для скальпирования следы, нанесенные каменным орудием.

В целом же наибольшая частота проявлений скальпирования на территориях Северной Америки и Западной Сибири совпадает с историческими периодами обострения внешней и внутренней напряженности, качественных изменений в социальном развитии и интенсификации обмена ритуально-обрядовыми компонентами между отдельными культурами.

Список литературы

- Аннинский С.А.** Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Ист. архив. – 1940. – Т. 3. – С. 89–94.
- Баркова Л.Л., Гохман И.И.** Еще раз о мумиях человека из пазырыкских курганов // АСГЭ. – 2001. – Вып. 35. – С. 78–90.
- Бородовский А.П.** Проблема исторических корней обычая скальпирования в Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997а. – Т. 3. – С. 164–169.
- Бородовский А.П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997б. – 224 с.
- Бородовский А.П.** Раскраска тела погребенных в гунно-сарматское время на Верхней Оби (по материалам Быстровского некрополя) // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 64–72.
- Бородовский А.П.** Археологические памятники Искидимского района Новосибирской области. – Новосибирск: Изд-во Сиб. гос. ун-та путей сообщения, 2002. – 208 с. – (Материалы “Свода памятников истории и культуры народов России”; Вып. 6.)
- Бородовский А.П., Табарев А.В.** Корреляция обычая скальпирования в Северной Америке и Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2001. – С. 207–210.
- Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж.А., Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж.С., Джайлл Э.Дж.Т.** Результаты дендрохронологического и радиоуглеродного датирования курганный группы Быстровка-2 (Верхнее Приобье) // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2003. – 3. – С. 79–92.
- Вадецкая Э.Б.** Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 178–190.
- Геродот.** История в девяти книгах. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
- Головнин А.В.** Говорящие культуры, традиции угров и самодийцев. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. – 606 с.
- Гондатти Н.Л.** Следы языческих верований у манси // Тр. Этнограф. отд-ния Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. – М., 1886. – Кн. 7.

- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.** Народы нашей страны в “Истории” Геродота. – М.: Наука, 1982. – 456 с.
- Карачаров В.П.** К вопросу о воинских трофеях на Средней Оби // XIV Уральское археологическое совещание. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, – 1999. – С. 163–164.
- Кондратенко А.П.** Западные хунны (опыт этноисторической идентификации) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1994. – С. 31–32.
- Кызласов Л.Р.** Хакасская археологическая экспедиция 1969 г. // Зап. / Хак. НИИЯЛИ. – Абакан, 1971. – Вып. 9. – С. 165–180.
- Марсадолов Л.С.** История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IX вв. до н.э. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. – 100 с.
- Медникова М.Б.** Трепанации у древних народов Евразии. – М.: Науч. мир, 2001. – 305 с.
- Медникова М.Б.** Ритуальное посвящение у древних народов Евразии по данным археологии: символические трепанации // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1 (13). – С. 147–156.
- Патканов С.К.** Тип остыцкого богатыря по остыцким былинам и героическим сказаниям. – СПб.: [Б.и.], 1891. – 280 с.
- Пелих Г.И.** Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972. – 421 с.
- Руденко С.И.** Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 93 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 400 с.
- Стратановский Г.А.** Примечания // Геродот. История в девяти кн. – Л.: Наука, 1972. – С. 501–546.
- Табарев А.В.** Танцы с бифасами (обсидиан в ритуально-обрядовой практике индейцев Северной Америки) // История и культура Востока Азии: Материалы междунар. конф. к 70-летию В.Е. Ларичева. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. – С. 154–158.
- Табарев А.В.** Трофеи и пленники (комплекс боевых традиций североамериканских индейцев глазами европейцев и его эволюция в XVII–XVIII вв.) // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко. – СПб.: Изд-во ВИМАИВиВС, 2002. – Вып. 2. – С. 59–61.
- Табарев А.В.** Пленники и смерть (обращение с пленниками в рамках комплекса боевых традиций североамериканских индейцев) // VICTORIA. GLORIA. FAMA: Материалы междунар. конф. – СПб.: Изд-во ВИМАИВиВС, 2003. – Ч. 3. – С. 117–120.
- Axtell W. H., Sturtevant W.C.** The Unkindest Cut, or Who Invented Scalping? // The William and Mary Quaterly. – 1980. – Vol. 37. – P. 451–472.
- Brooks R.L.** Warfare on the Southern Plains // Skeletal Biology in the Great Plains. – Wash.: Smithsonian Institution, 1994. – P. 317–324.
- Catlin G.** Letters and Notes on the Manners of North American Indians. – Philadelphia, 1857.
- Frederici G.** Scalping in America // Annual Report of the Smithsonian Institution. – 1906. – 46 p.
- Grinnel G.B.** Coup and Scalp among the Plains Indians // American Anthropologist. – 1910. – Vol. 12. – P. 296–310.
- Gilmore M.R.** The Plight of Living Scalped Indians // Papers of the Michigan Academy of Science, Art and Letters. – 1933. – Vol. 19. – P. 39–45.
- Humperl H., Laughlin W.S.** Osteological Consequences of Scalping // Human Biology. – 1959. – Vol. 31. – P. 80–89.
- Knowles N.** The Torture of Captives by the Indians of Eastern North America // Proceedings of the American Philosophical Society. – 1940. – Vol. 82 (2). – P. 151–225.
- Miller E.** Evidence for Prehistoric Scalping in Northeastern Nebraska // Plains Anthropologist. – 1994. – Vol. 39, N 148. – P. 211–219.
- Murray K.D.I.** Who Started Scalping? // The West. – 1964. – Vol. 1. – P. 30–31, 54.
- Nadeau G.** Indian Scalping. Technique in Different Tribes // Bull. of History of Medicine. – 1941. – Vol. 10, N 2. – 1941. – 72 p.
- Neiburger E.J.** A Prehistoric Scalping: 600 A.D. // Central States Archaeological J. – 1989. – Vol. 36. – P. 204–208.
- Newman G.K.** Evidence for the Antiquity of Scalping from Central Illinois // American Antiquity. – 1940. – Vol. 5, N 4. – P. 287–289.
- Owsley D.W.** Warfare in Coalescent Tradition Population of the Northern Plains // Skeletal Biology in the Great Plains. – Wash.: Smithsonian Institution, 1994. – P. 333–343.
- Owsley D.W., Berryman H.E.** Ethnographic and Archaeological Evidence of Scalping in the Southern United States // Tennessee Archaeologist. – 1975. – Vol. 31, N 1. – P. 41–58.
- Reese H.H.** The History of Scalping and Its Clinical Aspects // The 1940 Yearbook of Neurology, Psychiatry and Endocrinology. – Chicago: The Year Book Publisher, 1940. – P. 3–16.
- Snow C.E.** Additional Evidence of Scalping // American Antiquity. – 1942. – Vol. 7, N 4. – P. 400–401.
- Sutton M.Q.** An Introduction to Native North America. – Heights: Allyn and Bacon, 2000. – 404 p.
- Williams J.A.** Evidence of Scalping from a Woodland Cemetery on the Northern Plains // American J. of Physical Anthropology. – 1991. – Suppl. 12. – P. 184.
- Williams M.A., Johnston C.A., Symes S.A., Schultz J.J.** Interpersonal Violence between 18th Century Native Americans and Europeans in Ohio // American J. of Physical Anthropology. – 2003. – Vol. 122, N 2. – P. 113–122.